

МЕХАНИЗМЫ РЕЦИПРОКНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА

Е.В. Реутов,

*кандидат социологических наук, доцент,
профессор кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

М.Н. Реутова,

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант «Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества» № 15-03-00378.

В настоящее время в России фактически происходит становление местных сообществ как локально-территориальных общностей, объединенных комплексом горизонтальных и вертикальных связей и коллективной идентичностью. Сложность данного процесса состоит в преодолении атомизации и разобщенности в среде местных сообществ, в деиндивидуализации социальных практик. Развитие практик взаимопомощи является одним из механизмов восстановления «социальной ткани» местных сообществ, усиления коллективной идентичности, формирования социальной солидарности.

Воспроизводство практик взаимопомощи в местных сообществах невозможно без актуализации широкого спектра мотивации – от чистого альтруизма до вполне рационалистических экспектаций в контексте взаимной выгоды, обмена и конвертации ресурсов.

Реципрокность, с нашей точки зрения, является механизмом формирования и воспроизводства относительно прочных и устойчивых сетей взаимопомощи, поскольку предполагает установку на относительно регулярное взаимодействие и взаимность обязательств. Принцип конвертации различных по своему характеру ресурсов (от материальных до символических), субъективация их нормативного объема, возможность «отсрочки» в предоставлении ответных услуг и ресурсов способствуют лабильности взаимных экспектаций участников сетей взаимопомощи и способности самих сетей к воспроизводству.

При этом остается открытым вопрос о конкретных параметрах реципрокности в сетях взаимопомощи различного характера – семейно-родственных, дружеских, соседских, профессиональных, в группах по интересам и др. – нормативном объеме обмениваемых ресурсов, способах их конвертации, регулировании процесса обмена.

Проблема реципрокности в воспроизводстве практик взаимопомощи в местных сообществах в отечественной и зарубежной социологии рассматривается, прежде всего, в контексте таких направлений исследований, как социальный капитал и социальные сети.

Сетевая концепция, заложенная М. Моссом, Дж. Хомансом и П. Блау, продолжает оставаться актуальной в теоретическом и в прикладном плане. В отечественной и зарубежной науке, в том числе в трудах С.Ю. Барсуковой, О. Безруковой, Г.В. Градосельской, М. Кастельса, М.И. Новинской, И.Р. Пригожина, И.Е. Штейнберга, М. Тёррёнен разрабатываются различные аспекты социальных сетей – от методологических до конкретно-эмпирического анализа формирования и функционирования сетевых отношений в тех или иных локальных группах. С.Ю. Барсукова в своих работах исследует особый тип социальной интеграции – реципрокность, предполагающую обмен дарами а нерыночной основе. Основными функциями межсемейного обмена дарами являются: экономическая взаимопомощь, кооперация усилий и средств; создание неформального кредитования; установление стабильных отношений и контактов, как равноправных, так и доминантных; подтверждение социального статуса семьи; моральная поддержка в рамках сети, скорая психологическая помощь; трансляция этических ценностей, религиозных и этнических традиций [1].

О. Безрукова использует социологический и экономический подходы к изучению феномена сетевых структур [2]. М. Грановеттер доказал, что для многих социальных задач, таких как поиск работы, например, слабые связи оказываются намного эффективнее, чем сильные. Этот эффект он назвал «силой слабых связей» [8].

Г.В. Градосельская на основе теории графов проанализировала распределение домохозяйств по признакам участия в обмене и получении различных ресурсов (деньги, продукты, труд и др.), выделив такие категории как: «обменщики», «доноры», «потребители», «независимые» [3].

И.Е. Штейнберг исследовал сети социальной поддержки семьи, рассматривая их как особый род неформального социального института, спонтанно возникшего на основе кровного родства и дружеских связей членов семей, их взаимного интереса и личного выбора [7].

В исследовании М. Тёррёнен на примере финских семей с маленькими детьми проанализировано социально-экономическое измерение реципрокности и экономических ресурсов, которые, как правило, создают основу для выживания и поддержки других ресурсов. Автор подчеркивает, что реципрокность имеет отношение как к межличностным, так и к социальным отношениям, а также к интерпретации людьми их личного благополучия [6].

Существенное методологическое значение для исследования социальных сетей имеет концепция социального капитала, разрабатываемая Г. Беккером, П.М. Козыревой, Дж. Коулменом, Н.М. Лебедевым, Р. Патнэмом, В.В. Радаевым, Ф. Фукуямой. Проблема социального капитала, интегративными показателями которого служат власть и влияние, подробно рассматривается в концепции поля П. Бурдьё. Среди отечественных исследователей следует отметить работы С.Ю. Барсуковой, Т.Ю. Сидориной.

Значительный интерес для нашего исследования представляют работы А.П. Галкина по развитию гражданских структур в России и их влиянию на социальные процессы, Г.М. Заболотной, К. Клеман по социальному капиталу гражданского общества в регионах России, Н.В. Ковалевой, И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона по мониторингу гражданского общества в России, социологическому анализу развития гражданских структур в регионах России, готовности населения включаться в их деятельность.

Вопрос о роли взаимопомощи в процессе эволюции человека в числе первых был рассмотрен К.Ф. Кесслером и далее П.П. Кропоткиным, которые отмечали, что помимо закона Взаимной Борьбы, в природе существует еще закон «Взаимной Помощи», который для успешности борьбы за жизнь, и в особенности для прогрессивной эволюции видов, играет гораздо более важную роль [4].

Повседневные практики самоорганизации и взаимопомощи граждан в российских регионах исследуются А.А. Васильевым, Б.Б. Дондоковой, Ю.Н. Еремеевым, В.И. Золотовой, И.В. Мерсияновой, Ю.В. Ратьковой, Ю.Н. Татаркиной, И.О. Шевченко.

Теоретические основания социальной самоорганизации разрабатывались в рамках социологии общественных движений (Н. Смелзер, А. Турен, П. Штомпка).

Специфика самоорганизации населения в российских регионах, в том числе, в форме территориального общественного самоуправления проанализирована в исследованиях В.Г. Виноградского, И.В. Захарова, Н.И. Мироновой, А.П. Пилиховского, В.Ю. Столбова, О.П. Фадеевой, Е.С. Шоминой.

В последние годы социологическими центрами России собран ряд данных, которые позволяют проанализировать механизмы реципрокности в воспроизводстве практик взаимопомощи в местных сообществах.

Так, Фонд «Общественное мнение» и Добро mail.ru в 2015 году провели опрос о практиках помощи и готовности помогать взрослым. Больше половины россиян сообщили, что за последний год они помогали взрослым или пожилым людям. Когда-либо помогали взрослым тяжелобольным или взрослым инвалидам 45% опрошенных, и подавляющее большинство – 84% – допускают, что будут помогать таким людям в будущем.

Наиболее распространенными видами помощи были: денежная (49%), вещами (33%), делами (27%), донорство (6%). Вообще же, возраст нуждающихся в помощи для практически половины (49%) опрошенных не важен. Остальные, как правило, говорят, что охотнее помогли бы детям (32%), реже – пожилым (12%), но почти никто не назвал в ответ на этот вопрос взрослых (< 1%) [5].

Результаты ряда социологических исследований, проведенных авторами на территории Белгородской области, позволяют констатировать, что адаптационный потенциал социальных сетей востребован значительной частью населения. Хотя? По данным опросов 2010-2011 гг., большая часть респондентов (58,8%) заявляют, что в трудной ситуации рассчитывают только на себя, что является маркером атомизированности регионального общества, одновременно с этим 74,7% рассчитывают на помощь родственников, а 51,2% - друзей.

Субъективная значимость социально-сетевых взаимодействий обусловлена как личной заинтересованностью акторов в получении ресурсов, так и их оценкой собственной способности приносить пользу своим контрагентам. Соответственно, респондентам задавались два вопроса – о том, насколько выросла их потребность в помощи со стороны участников сетевых структур, и насколько выросла потребность в их помощи у других акторов.

Результаты исследований позволили зафиксировать определенную положительную динамику в данном отношении. В особенности это касается отмеченных ранее самых интенсивных социально-сетевых отношений – с родственниками и друзьями. Так, 28,8% респондентов отметили, что за последний год выросла их потребность в помощи со стороны родственников. Обратную тенденцию отметили 11,7% опрошенных; 50,1% высказались о том, что эта потребность осталась без изменений, и 9,4% затруднились с ответом. Индекс (разница между долями тех, кто указал на рост потребности, и тех, кто отметил ее снижение) динамики данной потребности составил, соответственно, 17,1 п.п.

Несколько в меньшей степени выросла потребность в помощи со стороны друзей – данный факт отметили 20,4% респондентов. О том, что она уменьшилась, сказали 11,5%; осталась без изменений – 57,4%; затруднились с ответом – 10,7%. Индекс динамики потребности в помощи – 8,9 п.п.

В плюсе оказалась также динамика потребности в помощи со стороны коллег по работе (учебе). Потребность в их помощи выросла у 11,4% респондентов, снизилась – у 6,6%, осталась без изменений – у 54,3%. Затруднились с ответом 27,7% опрошенных. Индекс динамики потребности в помощи – 4,8 п.п.

В небольшой степени выросла потребность в помощи со стороны руководства организаций (предприятий). Так, потребность в помощи со стороны руководства выросла у 8,5% респондентов, снизилась – у 7,9%, осталась без изменений – у 50,7%. Затруднились с ответом 32,9% опрошенных. Индекс динамики потребности в помощи – 0,6 п.п.

Во всех остальных случаях – по отношению к иным реальным и потенциальным агентам социальной поддержки (представителям религиозных или этнических общин, общественных организаций, государственных и муниципальных учреждений) – наблюдается нулевая либо отрицательная динамика.

Как указывалось выше, в целом фиксируется увеличение потребности участников социальных сетей во внешней помощи. Хотя по участникам сетевых взаимодействий эта потребность распределяется неравномерно. И интересно проследить, как потребность в помощи, поддержке сочетается с готовностью самим помогать своим контрагентам по социальным сетям.

Здесь наблюдается достаточно схожая картина – позитивная динамика по изменению потребности в помощи – но только в некоторых социальных сетях – родственных и дружеских. Так, почти треть респондентов (31,0%) считает, что потребность в их помощи у родственников за последний год выросла; 7,7% - уменьшилась; 48,9% - осталась без изменений; 12,4% затруднились с ответом. Индекс динамики потребности в помощи соста-

вил 23,3 п.п. – на 6,2 п.п. больше, чем соответствующий индекс применительно к самим респондентам. Иными словами, респонденты считают своих контрагентов – в данном случае родственников – более нуждающимися в их помощи, нежели они сами – в помощи других.

То же самое, но в меньшей степени, характеризует дружеские связи. Так, 20,6% опрошенных считают, потребность в их помощи у друзей за последний год выросла; 7,2% - уменьшилась; 55,1% - осталась без изменений; 17,1% - затруднились с ответом. Индекс динамики потребности в помощи – 13,4 п.п. – на 4,5 п.п. больше, чем соответствующий индекс применительно к самим респондентам.

Затем, по мере уменьшения потребности в помощи следуют: коллеги по работе (учебе), знакомые, руководство, соседи, общественные организации, религиозные общины, землячества.

Данные опроса населения Белгородской области, проведенного в 2015 г., свидетельствуют о сохранении установки подавляющего большинства респондентов на приоритет «сильных» связей как источник дополнительных ресурсов. Прежде всего – это члены семьи и родственники. На их помощь рассчитывают 68,36% респондентов. К друзьям и знакомым обратились бы 43,31% респондентов. Все остальные социальные связи фактически не рассматриваются как социальный капитал подавляющим большинством респондентов. Так, к помощи коллег по работе прибегли бы 8,18% респондентов, к помощи соседей – 6,69%. характерно, что при всем патернализме российских граждан, на помощь государственных (муниципальных) органов, учреждений рассчитывает ничтожная доля респондентов – 4,69%. Еще меньше их – 2,89% - надеется на помощь со стороны общественных организаций. Но самое главное – в сознании большинства населения по-прежнему широка распространена установка на невозможность получения помощи ни от кого вокруг. Единственным источником ресурсов для решения своих проблем являешься только ты сам – на это указали 62,67% опрошенных. Безусловно, значительная часть из них при этом рассчитывают и на помощь своих родных. Но сам факт выбора данной позиции достаточно красноречив и отчетливо свидетельствует о значительной разобщенности российского социума.

Тем не менее, микропрактики солидарности в местных сообществах, помимо взаимопомощи, реализуются в различных формах коллективной деятельности, основанных на самоорганизации граждан. Основания самоорганизации могут быть совершенно различны и многообразны – от защиты своих прав до проведения досуга. Принципиально одно – в процессе самоорганизации люди, изначально мало- или вообще незнакомые друг с другом, включаются в совместную деятельность или организуют ее. В процессе самоорганизации происходит актуализация «слабых» связей, их трансформация в «сильные» или же формируются новые связи различного характера.

В течение последнего года половине респондентов (49,40%), так или иначе, доводилось участвовать в какой-либо коллективной деятельности с соседями по дому (в селе – по улице). Чаще всего это было связано с уборкой и благоустройством территории (27,54% опрошенных). Достаточно многие (17,07%) участвовали в различных формах коллективной взаимопомощи (в том числе, сборе денег, вещей), сборе подписей, коллективных обращениях в органы власти и другие официальные учреждения (12,67%). В устройство и проведение праздников были вовлечены 8,18% респондентов. Незначительная доля опрошенных (1,90%) принимала участие в действиях протестного характера (митингах, пикетах).

Более половины (57,19% респондентов) доводилось в течение последнего года участвовать в коллективной деятельности, выходящей за пределы чисто профессиональной, вместе с коллегами по работе. Наиболее распространенными формами коллективных действий были организация взаимопомощи (в том числе, сбор денег, вещей) (об этом упомянули 23,05% опрошенных), уборка, благоустройство территории (22,65%) и устройство

корпоративных праздников (21,96%). Сбор подписей и коллективные обращения к руководству встречались достаточно редко (5,39%).

Как правило, инициативы по организации коллективных действий по месту работы носили централизованный характер: 40,31% респондентов, участвовавших в них, отметили, что они исходили от руководства организации, 9,34% – от профсоюзного комитета организации и 7,44% – от органов власти. Однако и мобилизация «снизу» также была достаточно распространена: 34,43% опрошенных отметили, что к участию в коллективных действиях их подтолкнули коллеги по работе, а 19,90% респондентов сами были их инициаторами. Таким образом, нельзя сказать, что коллективные действия представителей трудовых коллективов носят исключительно мобилизованный характер и иницируются «сверху». Многие из них имеют автономный характер и в данном случае вполне представляют собой солидарные практики в чистом виде.

Как правило, инициативы по организации коллективных действий по месту работы носили централизованный характер: 40,31% респондентов, участвовавших в них, отметили, что они исходили от руководства организации, 9,34% – от профсоюзного комитета организации и 7,44% – от органов власти. Однако и мобилизация «снизу» также была достаточно распространена: 34,43% опрошенных отметили, что к участию в коллективных действиях их подтолкнули коллеги по работе, а 19,90% респондентов сами были их инициаторами. Таким образом, нельзя сказать, что коллективные действия представителей трудовых коллективов носят исключительно мобилизованный характер и иницируются «сверху». Многие из них имеют автономный характер и в данном случае вполне представляют собой солидарные практики в чистом виде.

В организации коллективных действий на мезолокальном уровне очень заметной является роль общественно активных граждан, которые в 37,11% случаев, с точки зрения респондентов (участников мероприятий), являлись их инициаторами. На втором месте по значимости оказались общественные организации (на их роль указали 27,11% опрошенных). Свою собственную инициативу в качестве ведущей признали, как это не удивительно, 21,05% респондентов, участвовавших в коллективных акциях мезолокального уровня. На органы власти как на инициаторов коллективных действий указала достаточно скромная доля респондентов – 18,95%.

Таким образом, взаимообмен ресурсами, особенно в пределах «сильных связей», играет важную роль в современном российском обществе, особенно в период социально-экономического кризиса, когда объективно возрастает потребность в социальной поддержке, взаимопомощи участников социальных сетей. При этом усиливается субъективная значимость социальных контактов (в особенности это касается самых интенсивных социально-сетевых отношений – с родственниками и друзьями). Актуальность адаптивной функции социальных сетей в условиях кризиса возрастает в связи с низкой эффективностью формальных структур, не способных обеспечить в полной мере население ресурсами и капиталами, способствующими преодолению сложной ситуации. Последнее обстоятельство стимулирует развитие микропрактик солидарности на микро- и мезоуровне, выражающихся в различных формах коллективной взаимопомощи и самоорганизации граждан.

Литература

1. Барсукова, С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02 / С.Ю. Барсукова. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 52 с.
2. Безрукова, О.Н. Ресурсы и сети поддержки ответственного родительства молодых семьях / О.Н. Безрукова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.
3. Градосельская, Г.В. Социальные сети: обмен частными Трансфертами / Г.В. Градосельская // Социологический журнал. – 1999. – № 1/2. – С. 156-163.

4. Кропоткин, П.П. Взаимопомощь как фактор эволюции [Электронный ресурс] / П.П. Кропоткин. URL :<http://avtonom.org/index.php?nid=996> (дата обращения: 28.09.2016).
5. О готовности помогать взрослым людям. Данные опроса ФОМ от 20 июля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL :<http://fom.ru/TSennosti/12759> (дата обращения: 28.09.2016).
6. Тёррёнен, М. Социально-экономическое благополучие финских семей с маленькими детьми: экономическое измерение реципрокности / М. Тёррёнен // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т. XVIII. – № 5 (82). – С. 8-26.
7. Штейнберг, И. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей / И. Штейнберг // Вестник общественного мнения. – 2004. – № 6 (74). – С. 52-57.
8. Granovetter, M. The Strength of Weak Ties / M. Granovetter // American Journal of Sociology. – Vol. 78. – No. 6. – May 1973. – PP. 1360-1380.

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ И МИКРОПРАКТИКИ СОЛИДАРНОСТИ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Е.В. Реутов,

*кандидат социологических наук, доцент,
профессор кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант "Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества" №15-03-00378.

Качество социальных отношений, эффективность социальных структур и институтов в современном обществе являются крайне сложными многофакторными феноменами, детерминация которых носит как внутренний, имманентный логике их функционирования, характер, так и внешний, во многом заданный комплексом культурных образцов - ценностей, установок, норм. Социокультурная детерминация, безусловно, не может являться самодовлеющей и предопределяющей характер социальных процессов. Однако роль ее весьма велика, поскольку воздействие культурных образцов имеет как непосредственный, так и опосредованный характер и, что еще более важно, проявляется не только в явной, но и в латентной форме. Именно такое латентное влияние культурных образцов лежат в основе большинства повседневных межличностных коммуникаций и социокультурных взаимодействий.

Плотность и направленность социальных связей, их интенсивность, участие индивидов в публичных процессах и институтах, соблюдение норм и мотивация его характера во многом определяются тем, насколько участники сообщества разделяют уверенность в том, что во всех этих сложных интеракциях они встретятся с взаимопониманием, эмпатией, определенностью и поддержкой, а не с враждебностью, закрытостью и хаосом. Эти ожидания могут быть ориентированы на широкий круг потенциальных и реальных контрагентов, среди которых могут быть как акторы (индивиды, группы, институциональные субъекты, так и обобщенные, деперсонализированные структуры - нормы, ситуации, социальный порядок, окружающий мир в целом. Такого рода уверенность в социологическом дискурсе принято идентифицировать, как доверие.

Основное содержание повседневной жизни участников местных сообществ, как правило, составляет воспроизводство повседневных рутинных практик, связанных с профессиональной или образовательной деятельностью, воспитанием и уходом за детьми, приобретением товаров первой или второй необходимости и пр. Представляя собой «естественное» содержание жизненных траекторий каждого человека, эти практики могут вос-